

7. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12–51.
8. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Мишель Фуко ; пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М. : Ad Margenim, 1999. – 480 с.

Жовтянская В. В. Принципы понятийного определения в теории смысловых трансформаций

Рассматриваются методологические предпосылки определения понятия смысла в теории смысловых трансформаций. Это понятие предлагается толковать как субъективный процессуальный аспект репрезентаций действительности. Такой способ введения понятия смысла автор рассматривает, с одной стороны, как обобщение основных подходов к его определению, представленных в советской психологии, а с другой – как содержательно близкий к феноменологической редукции. Речь идет также об использовании предложенного подхода для анализа сложной взаимосвязи субъективного и объективного в репрезентациях действительности и объяснения таких парадоксальных форм ее репрезентации, как метафора, миф, смешное.

Ключевые слова: смысл, репрезентация, метафора, миф, смешное.

Zhovtianska V. V. The basics of conceptual definition in the theory of sense transformation

The article discusses methodological preconditions of defining the concept of sense in the sense transformations theory. The definition of sense as a subjective current aspect of reality representations is proposed. This modus of introducing this concept can be seen, on the one hand, as a generalization of the main approaches to its definition presented in Soviet psychology, and on the other hand, as a meaningfully similar to the phenomenological reduction. The proposed approach allows to analyze complex interactions of subjective and objective in representations of reality, and as a consequence – to explain such paradoxical forms of its representation as a metaphor, a myth, a jokey.

Key words: sense, representation, metaphor, myth, jokey.

© **Жовтянська В. В.**

Н. В. Костенко

**СМЫСЛОВЫЕ ПОРЯДКИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ОБОЗРЕНИИ**

Рассмотрены методологические проблематизации в изучении феномена смысла в социологии, его производства и трансляции в культуре и обществе. На основе анализа концептуальных словарей Вебера, Шюца, Парсонса, Лумана, Делёза, артикулирующих внимание к смыслу, а также современных версий дискурса о метафизике выстраивается генерализованная аналитическая конструкция, обладающая инструментальным социологическим ресурсом. Такая конструкция, или “матрица смысловых порядков”, сформатирована как сеть взаимосвязанных

понятий и размечает контексты исследования смысловых перспектив, смысловых структур, средств и сред трансмиссии смыслов в социуме.

Ключевые слова: смысловые концептуальные словари, смысловая морфология социума, смысловые порядки культуры.

Проблема. Последнее время среди исследователей культуры возрастает интерес к проблематике смыслов, метафизических идей и содержаний, которые сопровождают изменения социальной жизни. Едва ли это случайно: в современной динамичной и фрагментарной культуре вопрос о существовании людей в смысловом мире лишь обостряется, поскольку этот смысловой мир становится аморфным и мультимодальным. Как минимум две тенденции действуют здесь одновременно. Во-первых, происходит высвобождение, *либерализация* смыслов, возбуждаемая культурной и обыденной рефлексией по поводу их утраты, мутации, подмены в компенсаторных, имитационных и манипулятивных практиках, или, напротив, обнаружение “новых смысловых горизонтов” и новых способов их креативности. Во-вторых, не прекращается и *воспроизводство смысловых универсалий*, общепринятых обоснований человеческой активности, позволяющих понимать ход событий, ориентироваться в обстоятельствах, принимать решения. В поликультурном обществе все эти процессы и их различные проявления совмещаются неординарным образом, форматируя смысловую морфологию социума, где мы обитаем. Разные дисциплины вносят свой вклад в исследование современной смысловой ситуации, о чем говорят по меньшей мере три изданные недавно книги¹, послужившие поводом для междисциплинарного обмена в пределах нашего общего пространства действий. И это немаловажно, потому как оптика каждой дисциплины по-особому наведена на столь непростой феномен, каковым является смысл, – феномен, который, ускользая от строгих дефиниций, не лишает нас при этом возможности взаимопонимания, поскольку вопрос “чем является смысл?” предполагает, словами Лумана, “что вопрошающий знает, о чем идет речь” [1, с. 97].

Цель статьи: сделать социологическое обозрение проблематики смыслов, идей и содержаний, которые сопровождают изменения социальной жизни; рассмотреть в общих чертах процесс конституирования смыслов, адекватных совершенному будущему времени, а также

¹ Теорія смислу в гуманітарних дослідженнях та інтенціональні моделі в точних науках / за ред. М. В. Поповича. – К. : Наук. думка, 2012; *Жовтянська В. В.* Трансформації смислу в соціокультурному просторі / В. В. Жовтянська; Нац. акад. пед. наук України, Ін-т соц. та політ. психології. – Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2012; *Смислова морфологія соціуму* / за ред. Н. Костенко. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2012.

вклад разных дисциплин в исследование современной смысловой ситуации.

История знания о смыслах, как известно, довольно сложна, как и вся история западной метафизики, с которой она нерасторжимо связана. Весьма схематично разнородные представления относительно и самого феномена смысла, и операторов его опознавания в границах разных дисциплинарных контекстов и интеллектуальных пространств и сегодня сгущаются ближе к двум полюсам. Дан ли смысл изначально, предопределен ли космосом, культурой, системой, мировым опытом, человеческой природой и его лишь должно открыть или раскрыться ему навстречу? Либо же производство смысла – сугубо индивидуальное предприятие, он продуцируется личной активностью, восприятием и событием в качестве причинного сопровождения и целевых, а то и побочных результатов? Как мыслил Ж. Делёз, требуется различать тех, для кого смысл открывается в последнем истоке (ниспосланном свыше или субъективно изолированном, онтологическом или антропологическом), и тех, для кого он всегда производится как эпистемологический поверхностный эффект [2, с. 96]. Можно сказать, методологии глубины и поверхности здесь могут быть одинаково успешными. Эти несовпадающие пути рефлексий расходятся по собственным сетям и ризомам, не избегая взаимных переходов и сцеплений. И, конечно же, простоту наших логических раздвоений на этот счет могла бы оправдать только очевидность сложившихся задолго до нас смысловых структур.

Сегодня о смыслах пробуют говорить по-разному, сохраняя приверженность классике или предвосхищая некие “новые старты”, оставляющие позади историю поступательной смены парадигм, культивируя иные концептуальные подходы, чем стремятся совладать с внушительным нагромождением всяческих воззрений. К таким подходам можно отнести и “герменевтику структур” Дж. Александера [3], и “новые метафизики”, влекущие в сторону онтологии, производства присутствия у Х. У. Гумбрехта, симметричной антропологии Б. Латура или информационного материализма Ф. Киттлера, других неординарных интуиций, заставляющих вспомнить о смысле в современном социальном мире, который по затянувшейся инерции не прочь отделить себя от природы и техники [4].

Общие места и проблематизации в социологии смысла. Обновленные контексты смыслов и их изучения не отменяют старых; неожиданные акценты не упраздняют осевших в культуре представлений о том, что движет людьми. Умопостигаемое как всегда соперничает здесь с желанием, которое перехватывает импульс активности, докса, упорствующая в конкретности и норме – с утопией смыслоотмены, освобождения от смысла, с воображением “после-смыслия” у Ролана

Барта как передышки в принуждении к смыслу и его тривиально здравому обоснованию [5, с. 100]. Достичь стерильной прозрачности в общей картине бытования смыслов, будь она созданной замыслом мета-теории или образами специальных концепций, – намерение излишне самонадеянное. Вполне понятное поэтому решение Джеффри Александера, прицельно дебатизирующего сегодня проблему “смыслов социальной жизни”, не притязать на воздвижение новой модели культуры и не погружаться в генерализованную и дедуктивную теорию, курсируя “между теоретизированием и исследованием, между интерпретацией и объяснением, между культурной логикой и культурной прагматикой” [6, р. 5]. Однако всякий раз потребуются уточнять картографию таких путешествий, потому как территории смысловых проекций в пределах “доступной” и “потенциальной досягаемости” для индивида, и социолога в том числе, определенно меняются. Даже, казалось бы, наиболее рутинная “манипуляторная область”, как называл ее Дж. Мид, удерживающая вещи и объекты на короткой дистанции от индивида, сердцевиной той самой верховной реальности, каковой для А. Шюца является повседневность, поставляющая материал для рефлексии, существенно модифицируется с помощью, к примеру, новейших средств связи и коммуникации.

Феномен смысла, как известно, устойчиво присутствует в социологии в двух важнейших перспективах: культуры и действия. В первом случае его обычно соотносят с ценностями, значениями, символами, культурными объективациями, с крупными культурными системами, такими как искусство, наука, религия, мифология. Во втором – усматривают в значимостях каузальных и телеологических схем поведения в виде целей, интересов, ориентаций и предпочтений, ожиданий и мотиваций действующих и взаимодействующих субъектов. Это общее место дисциплинарного знания окружено и устойчивыми методологическими проблематизациями, которые социология держит в поле зрения постоянно. Вот некоторые из них.

Сохраняется напряженность между языками исследований институциональной культуры, легитимированных смыслов и смыслов как субъективных коррелятов, инкорпорированных в действие, взаимная непереводаемость их словарей. На это указывают сложившиеся оппозиции, разводящие сегодня конструктивизм с его привилегией субъекта, способного к полному самоописанию и “полной слышимости чужой речи” (Ж. Деррида), и поиски новой субстанциональности, усматривающие субъективные значимости в той реальности, которая не является результатом “социального конструирования”, но сохраняет обаяние и неприглядность материального мира. Реальности, где виды встречаются, где humans и nonhumans действуют сообща, постоянно обмениваясь свойствами.

Авторитетных словарей несколько. Словарь *Т. Парсонса*, традиционно связывающий культурную систему с индивидом трансляци-

ей ценностно-символической модели, корректирующей социальные интеракции. Рафинированный гуссерлианский словарь по технологии осуществления смысла, конституируемого в “субъективном генезисе” и подлежащего “феноменологическому выпытыванию” в истории опыта. Тот, что, наряду с социологической постановкой вопроса о смысле действия у *М. Вебера*, побудил *Альфреда Шюца* разбираться в “смысловом строении социального мира”. Логика смысла *Ж. Делёза*, где смысл даруется нонсенсом, где он парит над событием, неотделим от парадоксов бесконечного деления и распределения сингулярностей, искушает, напротив, оторваться от опыта и изменить угол зрения во взглядах на отдифференцированную современность. Словарь *Н. Лумана*, встраивающего смысл в “проблемно ориентированный функциональный анализ” сложных систем, как демонстратор возможности охватить более высокую комплексность, а именно комплексность мира, делая ее доступной для системных операций. Казалось бы, разнообразие смысловых словарей лишь больше поляризует познавательную ситуацию, но также и повышает шанс содержательных присоединений в дискурсах о смысле, намекая на их глухую перекличку и интертекстуальную цитацию.

Неизбежно попадание исследователя во множественные пространства обитания смыслов и операторов их очевидности, в избыточность, запечатлеваемую лишь художественным восприятием. Для тренированного социологического воображения, где все строже и определеннее, по меньшей мере, это *множественность легитимных культурных порядков*, которые все интенсивнее конкурируют за лояльность социальных акторов, не без помощи вездесущных медиа, легитимирующих все, что угодно, развертывают “рынок смыслов”, снабженный каталогом интерпретационных алгоритмов действия. Культурные порядки предлагают особые стили восприятия мира, правила его рефлексии и оценки, очерчивают границы общего семантического поля и варианты субуниверсумов, миров, центрированных “конечными областями смысла”, “порядками величия”, перераспределяя их в непредусмотренные ранее комбинации. И *“множественные” индивиды* с их распыленными идентичностями, режимами действия, их намерениями, желаниями, когнитивными и аффективными проявлениями, каждое из которых захватывается переживанием, а затем и осмыслением весьма разнообразными способами. Попытки обозреть все это многообразие, совместить два этих крупных множества в перспективе смысла чрезмерно усложняют онтологию смысловых контекстов. Основания же для такой комбинаторной работы, бесспорно, находятся, но большей частью в эмпирических распознаваниях образов. Или при переходе на уровень мета-анализа, и удаляясь от фактичности.

Как понимать смысл и как истолковывать осмысленное действие остается предметом переговоров и недоговоренностей, несмотря на то, что острые дискуссии по этому поводу прошли лет три-

дцать назад, где фокус выпадал на рациональность как неотъемлемую социологическую категорию, хотя сегодняшние антропологические влечения социологии не подразумевают ее абсолютность. Здесь первое слово остается, конечно, за Вебером, его базовой моделью интерпретации смысла в идеальном целерациональном действии, не требующем ни психологических разъяснений, ни многослойной герменевтики. Правда, любые другие действия в веберовой и последующих типологиях будут всего лишь отклонениями от этого редкостного, не вызывающего разночтения образца, и их рациональное истолкование требует должной виртуозности. Считается, что ее приобретают в коммуникации, где место для наблюдателя может быть как внутри, так и снаружи. Но даже строгому рационалисту Ю. Хабермасу, моделирующему неискаженную смысловую коммуникацию “без метафизической подстраховки”, по его же словам, трудно обойтись без такого “солипсистского” притязания коммуницирующих субъектов, как искренность [7]. Беспокоит и то, что достигнутое в каждом случае партикулярное знание может незаслуженно претендовать на статус знания общего.

Собственно, вся диалогическая традиция, языковые и культурные исследования, когнитивные парадигмы так или иначе оказываются перед проблемой интерпретации смысла. И даже если отказаться от измышлений относительно другого, руководствуясь прагматизмом, или телепатически считывая смыслы с буквальностей, с видимой поверхности культурного тела, воспринимая значимости на ощупь, чувствуя их кожей, через цвет, звучание, форму, постигая культурное бессознательное, это не избавит нас от настоятельности интерпретации, процедуры перевода, посредничества, которое предлагает лишь гипотезу. Понимание смысла всегда уязвимо. Точнее формулировать локальные задачи и совершенствовать методы – хороший призыв, но не элиминирует проблему и не разряжает ситуацию окончательно. Тем не менее, движение от “смутного схватывания” в сторону “эксплицитной ясности” смысловой организации людей и сообществ, на что надеялся Шюц, остается завораживающей перспективой.

Матрица смысловых порядков. Если, наконец, попытаться определить, чем же является смысл, то более подходящей отсылки, чем к А. Бергсону, пожалуй что не сыскать. *Attention à la vie, внимание к жизни* как соотнесенность с ней, переживаемая в нашем сознании “бодрствующего Я”. То, что Гуссерль называл “направленностью Я на жизнь”, а Шюц – “напряжением между мышлением и жизнью”, сравнивая такое обращение к жизненным переживаниям “с лучом прожектора, освещающим отдельные фазы потока длительности и тем самым вычленяющим эти фазы: вот они освещаются, и мы утверждаем, что они светлые” [8, с. 767]. То, что, возможно, имел в виду Хайдеггер, говоря о “настроениях” как экзистенциальных моментах наличного бытия, а Гумбрехт сегодня связывает с состоянием *Stimmung*, особой

соединенности с внешним миром на фоне осознания присутствия смерти в самом процессе жизни [9]. Или то, как это представляет защищенный от философского флера Луман, относя к функциональной работе смысловых систем: “Феномен смысла появляется в форме избытка указания на дальнейшие возможности переживания и действия. Что-то находится в центре внимания, намерения, а иное отмечается лишь маргинально как горизонт “и-так-далее”. Все, что входит в намерение, в такой форме оставляет для себя открытым мир в целом, всегда гарантируя тем самым и актуальность мира в форме его доступности....” [1, с. 97-98]. Абстракция “внимание к жизни”, независимо от аутентичного бергсонова употребления, удачна уже тем, что объемлет все возможные импликации и контексты смысла, моменты его конституирования и репродукции, о которых мы могли бы рассуждать, не опасаясь нарушить предметные границы. Но главное, должно быть, что она фиксирует сцепленность сознания и бытия, не возбраняет равнозначности акцентов обеих составляющих и, устанавливая порог в виде “происходящего в сознании”, не инстинктивно, насколько бытие способно в него прорваться, спонтанно или в результате специальных мыслительных операций. То есть удерживает некую меру свободы и принудительности смысла, но и не запрещает ею пренебрегать. К тому же позволяет отстраниться от трансцендентального анализа порождения и бытования смыслов и отыскать им социологические корреляты, приемлемые в эмпирических проектах.

Целесообразно использовать при этом генерализованную конструкцию, которая учитывала бы представления разных словарей и обладала бы инструментальным ресурсом. Здесь не имеется в виду ни их полная конгруэнтность, ни частичная согласованность, ни сглаживание несоответствий и даже ни комплементарности. Скорее можно было бы говорить о смысловой совместимости этих представлений, производящих резонанс эхо и облеченных в похожие и непохожие концепты. Вероятно, это и не удивительно, если помнить об общей истории смысловых структур и ментальной культуры, общих основаниях наших интеллектуальных практик.

Каталог основных концептов представим в виде матрицы “смысловых порядков”, значимость которых понимается в духе Вебера: они воспроизводятся и им следуют, несмотря на любые другие требования системы (табл.). Как вариации культурных порядков, они специфицированы “на смысл”, заслуживают самостоятельного имени и могут быть в первом приближении воплощены в определенным образом взаимосопряженной сети понятий. Каждый сегмент или блок наделен здесь автономностью, достаточной для того, чтобы стать особым предметом исследования в качестве смысловых образований и процессов. Но и в этом случае матрица смысловых порядков будет давать о себе знать, создавая более или менее размеченный контекст или контурный образ и требуя к себе апелляций. Следует дать некоторые пояснения.

Таблиця

Матриця смислових порядков по Н. Костенко [4]

Смысловые перспективы	Смысловые структуры	Смысловые конструкторы	Средства и среды трансмиссии
<p>Предметно-пространственная <u>Интенциональность</u> (направленность на..., внимание к какой-то области жизни, ее проявлениям, значимость чего-то, отсылка мысли) Внешнее & внутреннее</p>	<p>Системы релевантностей устанавливают: ▪ значимую область; ▪ приоритеты благ/ценностей</p> <p>Конвенции эквивалентности между предметами, фактами и людьми</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ “общие блага”, ценности; ▪ интерпретационные схемы (причины-следствия, цели-средства, мифологемы, парадоксы); ▪ герои, события, ситуации (уникальные, харизматические & типизации); ▪ nonhumans (символическое & утилитарное, активное & пассивное) 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ дискурсы (эффекты значения); ▪ контексты (социоструктурный, исторический, культурный, ситуативный); ▪ культурные формы (жанры & нарративы, вербальное & визуальное); ▪ технологии, коммуникации (цифровые & интермедийные); ▪ материальность (эффекты присутствия, звуки, запахи, шумы, формы, тело)
<p>Временная <u>Интенсивность</u> (комбинации временных модусов) Прошлое & будущее</p>	<p>Типологии временных перспектив: ▪ проекции прошлого, настоящего, будущего</p>		
<p>Социальная <u>Интерсубъективность</u> (соотнесенность с Другим, группой, культурой) Консенсус & диссенсус</p>	<p>Режимы сигнификации: ▪ определяют взаимоотношения означаемого, означающего, референта в репрезентациях реальности; ▪ символические генерализации; ▪ реальное & Виртуальное;</p> <p>Проекции действия: ▪ цели, намерения, предпочтения, ожидания (шансы/риски)</p>		

С точки зрения общепонятной декомпозиции “смысла” смысловые порядки, где он обитает и согласно которым функционирует, просматриваются из трех перспектив, тем самым сложный, подпадающий под рефлексию мир обретает определенную структурированность. Предметно-пространственная и временная перспективы отсылают к любой реальности, социальная перспектива указывает на мир людей. Именно в такой последовательности Шюц описывает “множественные реальности” [8]. Именно так представляет перспективы Луман, обосновывая их в качестве смысловых измерений с четкими операциональными указаниями [1, с. 115-139]. Перспективы пересекаются, переходят одна в другую, сплетаются так, что аналитическим усилием их, кажется, невозможно разять, однако не настолько, чтобы быть неразличимыми. Изменения мира, наблюдаемые и осмысленные из одной перспективы, необязательно зафиксируются, когда смотреть из другой. Скажем, возможность мгновенного охвата всего глобального пространства посредством электронных сетей, упраздняющих протяженность дистанции между местами, периферией и центром, обязательно нивелируют и иерархические структуры социума, и соответственно наши представления на этот счет. Социальная ностальгия не предусматривает временную адекватность, а реклама, чтобы ее достичь, модифицирует образы предметного мира. В то же время каждая перспектива готова поглотить остальные и дать общую панораму смыслового порядка, подключая остальные в качестве эпифеноменальных. Политическая идентичность, продвигаясь к тотальности, стремится целиком заполнить собой все возможные “везде и всегда”. То есть в распознавании любых смысловых конструктов имеют дело с их комбинациями и рекомбинациями [там же, с. 131-132].

Предметно-пространственная перспектива рефлексии формируется обращенностью внимания на переживания, моменты жизни, собственные и чужие, на любые предметы смыслового посягательства, тематику смысловой коммуникации в случае социальных систем. Перспектива подвержена “плавающему” эффекту, постоянно смещается в результате преобразований или “модификаций внимания”, как говорит Шюц, используя гуссерлианскую лексику. То есть речь идет об идеальной предметности, сконструированной посредством интенциональности сознания и серий отборов в соответствии с прагматическими задачами, осознаваемыми или нет, поскольку “логику смысла вдохновляет дух эмпиризма” [2, с. 36]. Если смыслы приобретают некую устойчивость, готовы к повторению при первой же рефлексивной попытке, укореняются в культурных артефактах и объективациях, воспроизводимых интерпретационных схемах, им, как правило, приписывают атрибут “объективности”, независимого существования от все новых интерпретаторов. В таком механизме много неясного – как и

кем, к примеру, производится легитимация осмысленного и бессмысленного. Столь же непросто различить внутреннюю и внешнюю предметность по отношению к рефлектирующему и действующему индивиду, так как внутри каждой, относимой к тому или другому полюсу, возможно то же самое различение до бесконечности, хотя веберово противопоставление буддийского созерцания, христианской аскезы, обращенных вовнутрь, и экономического поведения, ориентированного вовне, дает ясный, пограничный пример [10]. Напряжение этих двух горизонтов продуцирует условия конституирования смысла и как стимул первичной дизъюнкции двигает рефлексию дальше, от смысла к смыслу, обнаруживая его самореферентность, как сказал бы Луман.

Не менее важно и напряжение между глубиной и поверхностью, которое резонирует с предыдущим, но не исключает и особую парадоксальную связь: в смысловой рефлексии не только взламывается поверхность для постижения глубины, но и падение в глубину может вынести, как Алису у Кэрролла, на поверхность смысла. Для Делёза, не дающего читателю “*Логики смысла*” усомниться в сентенции Поля Валери “самое глубочайшее – это кожа”, глубина не имеет элитарного статуса, поскольку смысл производится как поверхностный эффект, как “тонкая пленка на границе вещей и слов” [2, с. 48], как чистое становление. Шюц примиряет глубину и поверхность, считая их скорректированными прагматическим мотивом, чтобы стать доступными непосредственному восприятию: “*Непосредственно данным оказывается тот глубинный слой, который в определенных условиях Сейчас и Так представляется обращенному к нему рефлексивному взгляду (в силу прагматической обусловленности) не нуждающимся в дальнейшем анализе*” [11, с. 772].

Смысловые структуры, воспроизводимые в этой перспективе, складываются в *системы релевантностей*, то есть резонности той или иной модификации внимания, которые устанавливают значимую для индивида область реальности, приоритеты в ней благ и ценностей, правил и стилей “множественных реальностей” Шюца или градусов Тевено. Другая смысловая структура перспективы – *конвенции эквивалентности*, соразмерности предметов, фактов и людей, достигаемые индивидами в режимах повседневности и публичности или смысловыми формами – искусством, наукой, как показывает нам Латур [12], медиакультурой, сообщающей о “неотоваре” Лэша [13].

Осмысление переживаний жизни происходит в контексте времени и места действия, поэтому *временная перспектива рефлексии* надежно в него вмонтирована. Вопрос о времени конституирования смысла возникает постоянно, поскольку смысл, как это понимается в феноменологии, всегда отстает от непосредственного переживания, которое не отвлекается на рефлексию, а осмыслению подлежит уже воспоминание о переживании, случившееся переживание, отошедшее

в опыт. Темпорально опыт довольно сложно структурирован, и расценивать смысл как модус опыта не означает отсылки исключительно к прошлому, к прошедшему времени. Тем не менее, придание смысла происходящему сегодня и возможному завтра осуществляется лишь в настоящем совершенном и будущем совершенном времени, поскольку любые замыслы и ожидания, фантазии и предвосхищения проецируют результаты уже исполненного действия, как если бы оно состоялось. Опыт вырабатывает различные *типологии временных структур* смысла, как повседневные, так и аналитические, где прошлое, настоящее и будущее имеют собственные формы сокращения и растягивания, комбинаций и доминаций. Прошлое воспринимается недавним или далеким, с соответствующей оценивающей атрибутивностью, и о том, как оно вьедается в структуры настоящего, хорошо известно внимательному наблюдателю во времена радикальных сдвигов. Настоящее также имеет массу градаций от распростертого вдоль стрелы времени, которое длится и длится, до скомканного, спрессованного в миг, в состоянии “между”. Может быть актуальным, “живым” (А. Шюц), которое проживают в каждый настоящий момент, и наверняка возможным, что наступит утром. Сама же рефлексия протекает в нашем внутреннем времени, бергсоновом *durée* или ддящемся Я, не совпадающем с астрономическим временем или культурно-историческим временем эпох и периодов, – осмысленное настоящее не синхронно ни тому, ни другому. В смысловых координатах временной перспективы, в горизонтах необратимого и обратимого, как видит это Луман, настоящее, по сути, ущемлено процессом постоянного деления на “до” и “после”, и предстает как “парадоксальная симультанность прошлого и будущего” [14, р. 51]. Смысловые операции с будущим временем также бывают затруднены. Сегодня об этом прямо свидетельствует распространенность образов “неопределенного” и “туманного” будущего, что помимо политической и рекламной подоплеку связано с усложнением предметной среды, загромождением пространства, в котором нелегко ориентироваться, с виртуальным накоплением вариантов возможного выбора и информационного шума, многим другим, вполне подходящим для того чтобы попасть в релевантную область социологического анализа.

Социальная перспектива настроена на действие и интересубъективный мир, общий для индивидов. Если разобраться со своим переживанием под силу и одинокому Я, то действие совершается с оглядкой на другого. Обособленность Я всегда обманчива, так как утвердиться в ней можно лишь по контрасту с другим подобным “я” или “ты”, которое его наблюдает, рассматривая себя как Alter Ego своего Alter Ego. Различение переживания и действия дает основание Луману различать репродукцию смысла и репродукцию системы [1, с. 129]. Макса Вебера интересовало определено второе, когда он задался идентификацией и пониманием социального действия, “которое по

предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смысла соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него” [15, с. 603]. Для Вебера соотнесение со смыслом в первую очередь является критерием типологизации действий. Понять этот “субъективно предполагаемый” или подразумеваемый смысл – значит понять действие. О проблематичности такого понимания им не раз говорилось, поскольку интерпретация “констелляций мотивов” действующего, решающим из которых не обязательно будет самый очевидный, остается лишь в разной мере вероятностной. Шюц с признательностью к целерациональному эталону тщательно исследует цепочки осмысленных переживаний актора и интерпретатора, учитывая понимание ими замысла, этой “репетиции” действий, контекстов их протекания, ожидаемых результатов, а также временные модификации переживаний и воспоминаний о них, наконец, трансформации мотивов “для того чтобы” в мотивы “потому что”. Тем самым проясняются изъяны несогласованности и асимметрия в интерпретациях одних и тех же актов. Напряженность консенсуса и диссенсуса, сообщающая энергию социальной перспективе смысловых порядков, воплощается в многочисленных проекциях действия, будь то ценности, нормы, преференции, ожидания, оценки шансов и рисков, в изучении которых современная социологии достаточно искушена. Правда, если и считается, что такие проекции каким-то образом ответственны за специфические импликации действия, готовят его, регулируют или сопровождают, то в виду понятийных рамок и жестких способов фиксации они нечасто рассматриваются в терминах субъективно предполагаемых смыслов.

Коммуникация, где шлифуется интерсубъективность, чтобы быть успешной, обязывает повысить планку взаимопонимания, для чего используются смысловые упрощения и схематизмы, сведение к общепонятному, здравому смыслу, известным символам. То есть производятся особые *режимы сигнификации* в осмыслении предметного мира, пространства и времени совместного существования. Применительно к индивидуальному опыту Шюц называет такой механизм обобщенного схватывания рефлексией целой серии переживаний “монотетическим”, “однолучевым” обращением в противовес “политетическому”, ретроспективному, пошаговому воссозданию [11, с. 769-777]. У Делёза “символизацией” определяется та операция, “посредством которой мысль переиначивает благодаря своей собственной энергии все то, что происходит и проецируется на поверхности”, хотя символ “столь же нередуцируем, как и то, что символизируется” [2, с. 263]. Луман развивает концепт символических генерализаций смысла как способа оперативной обработки множественности, благодаря которой потоки переживаний наделяются идентичностями и любая осмысленно понимаемая данность обеспечивается себе возможность повторного обращения. В том числе и в более сложных условиях для

циркуляції смислов, в комунікації с разными партнерами, ограничивая возможности смыслового отбора, но и обнаруживая иные, тематизируя и структурируя коммуникативное взаимодействие. Механизмы символической генерализации действуют во всех перспективах смысловой рефлексии, устанавливают порог дальнейших проблематизаций, например, разграничив он-лайн и офф-лайн реальности, хотя в действительности сложно установить предел их взаимному влиянию, не впадая в “парадокс регресса” или “неопределенного размножения” (Ж. Делёз), работают в науке и искусстве, литературе и медиа.

Таких символически генерализованных *смысловых конструкций* достаточно много. В матрице смысловых порядков (см. рис.) представлены некоторые, наиболее из них значительные, привычные фигуранты социокультурного анализа, посредством которого их все же чаще интерпретируют с точки зрения норм и образцов, дешифруют символы и устанавливают различия в их восприятии разными аудиториями, не артикулируя производимые при этом смысловые резонансы. К смысловым конструктам можно отнести *ценностные приоритеты*, то есть желаемые результаты ценностных обоснований. Или *интерпретационные схемы*, объясняющие и оправдывающие действие/бездействие, которые предлагаются, например, рекламой, апеллирующей к опыту целевых групп, сформированному не без ее же помощи, дневными ток-шоу, где за час решается неразрешимое, легитимируя человеческие слабости. Не говоря уже о мифах, юморе и парадоксах. В этом перечне присутствуют *герои* – от почти обязательного в рассуждениях о смысле “лесоруба” с понятным действием и массой мотивов до анонимного Никто или Каждый, разделяющих “общую судьбу” и погруженных на корабль дураков у Мишеля де Серто, то есть в некое пустое место [16]. То же касается *событий*, которые отличны от простых происшествий, *ситуаций* как смысловых единств места и времени.

Выводы. Как видим, имеется возможность посмотреть на мир людей, культуру и общество из смысловой перспективы. Общие места и проблематизации – как раз то, из чего рождается смысл. Надо лишь слегка повернуть объектив, чтобы эта перспектива стала зримой. “Задача сегодняшнего дня, по словам Жюль Делёза, заключается в том, чтобы заставить пустое место циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить – короче, чтобы производить смысл” [2, с. 97].

Сегодня все явственнее набирает обороты генерализация *non-humans*, чрезвычайно нагруженная смысловыми противоречиями, из которых тем не менее конституируются смыслы, адекватные современному будущему времени. Разумеется, все эти конструкции требуют специальных исследовательских проектов (как и особые *медиа-трансмиссии смыслов* и *среды*, где это случается, те поверхности, по кото-

рым пробегает “дрожь” смысла, и те глубины, где он “отслаивается”: дискурсы, контексты, культурные формы, технологии и коммуникации, хорошо приспособленные раздваивать ориентиры).

Литература

1. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.
2. *Делёз Ж.* Логика смысла / Жиль Делёз. – М. : Изд. Центр “Академия”, 1995. – 300 с.
3. *Александр Дж. С.* Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры / Дж. С. Александр // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – №1. – С. 17–37.
4. *Костенко Н.* Знание о смыслах: исследование глубины и поверхности / Н. Костенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2011. – № 4. – С. 3–31.
5. *Барт Р.* Ролан Барт о Ролане Барте / Ролан Барт ; сост., пер. с фр. и послесл. Сергея Зенкина. – М. : Ad Marginem/Сталкер, 2002. – 288 с.
6. *Alexander J. C.* The Meaning of Social Life: A Cultural Sociology / J. C. Alexander. – Oxford, 2003.
7. *Хабермас Ю.* Проблематика понимания смысла в социальных науках [Электронный ресурс] / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – №3. – С. 3–33. – Режим доступа : <http://sociologica.hse.ru/2008-7-3/28122704.html>
8. *Шюц А.* О множественности реальностей [Электронный ресурс] / А. Шюц // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – №2. – С. 3–34. – Режим доступа : <http://sociologica.hse.ru/2003-3-2/28146546.html>
9. *Гумбрехт Х. У.* Чтение для “настроения”? Об онтологии литературы сегодня [Электронный ресурс] / Х. У. Гумбрехт // НЛО. – 2008. – №94. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/gu2.html>
10. *Вебер М.* О некоторых категориях “понимающей” социологии / Вебер М. // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 495–546.
11. *Шюц А.* Смысловое строение социального мира / Альфред Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Альфред Шюц. – М. : Рос. полит. энцикл., 2004. – С. 687–1006. – (Серия “Книга света”).
12. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад “исследований науки” в общественные науки / Б. Латур // Вестник МГУ. Серия “Философия”. – 2003. – №3. – С. 20–38.
13. *Lash S.* Capitalism and Metaphysics / S. Lash // Theory, Culture & Society. – 2007. – №24. – P. 1–26.
14. *Gumbrecht H. U.* How is Our Future Contingent?: Reading Luhmann Against Luhmann / H. U. Gumbrecht // Theory, Culture & Society. – 2001. – №18 (1). – P. 49–58.
15. *Вебер М.* Основные социологические понятия / Макс Вебер // Избранные произведения / Макс Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–643.
16. *Серто М.* Общее место: обыденный язык [Электронный ресурс] / М. Серто // Неприкосновенный запас. – 2007. – №4 (54). – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/se4.html>

Костенко Н. В. Смыслові порядки в соціологічному огляді

Розглянуто методологічні проблематизації у вивченні феномена смислу в соціології, його продукування і трансляції в культурі та суспільстві. На підставі аналізу концептуальних словників Вебера, Шюца, Парсонса, Лумана, Дельоза, що артикують увагу до смислу, а також сучасних версій дискурсу про метафізику вибудовується генералізована аналітична конструкція, що має інструментальний соціологічний ресурс. Така конструкція, або “матриця смислових порядків”, сформатована як мережа взаємопов’язаних понять і визначає контексти дослідження смислових перспектив, смислових структур, засобів і середовищ трансмісії смислів у соціумі.

Ключові слова: смислові концептуальні словники, смислова морфологія соціуму, смислові порядки культури.

Kostenko N. V. Meaning orders in sociological perspective

The article discusses the methodological problematizations in studying the phenomenon of meaning in sociology, its production and translation in culture and society. Based on the analysis of conceptual dictionaries of Weber, Schutz, Parsons, Luman, Deleuze, who articulated special attention to the meaning, and of modern versions of the discourse on metaphysics, the author develops generalized analytical construction which has an instrumental sociological resource. Such a construct, or “a matrix of meaning orders” is formatted as a network of interconnected concepts and marks research contexts of meaning perspectives, meaning structures and constructs, means and environments of meaning transmission in the society.

Key words: meaning conceptual dictionaries, meaning morphology of society, meaning orders of culture.

© **Костенко Н. В.**

Л. Г. Скокова

**ОСОБЛИВОСТІ КУЛЬТУРНОЇ РЕПРОДУКЦІЇ
СМИСЛІВ ДОМУ**

Статтю присвячено особливостям культурної репродукції смислів і значень дому в сучасному українському суспільстві. Проаналізовано вплив таких інститутів трансмісії смислів дому, як традиційна культура, сім’я, мас-медіа. Дім представлено як смислове утворення, що досить показово поєднує різні перспективи змісту – предметно-просторову, часову, соціальну. Виокремлено різні режими сприйняття сенсів дому, зокрема функціональний, режим близькості. Розглянуто процесуальний аспект культурних практик утворення смислів дому, для чого використано дані соціальних досліджень (моніторинг “Українське суспільство” Інституту соціології НАН України, результати фокус-груп і проектних есе студентів).

Ключові слова: дім як смислове утворення, інструментальний режим образу дому, предметно-просторовий зміст дому, дім у часовій перспективі, дім у режимі близькості, механізми трансляції сенсів дому.